

► Виктор Пулькин, г. Петрозаводск. Рисунки автора, фото Алексея Даняева

В былые годы я немало походил по градам и весям любимого Русского Севера, по берегам великих озер и студеного Белого моря. Случались встречи с последними лодийных дел мастерами и с доброй памятью о них.

По записям в моих обветшавших блокнотах написаны эти заметки о традициях и ярком языке «мужицких» корабельных зодчих, о различных, еще недавно таких обыденных на моей родине, крестьянских судах. Хочу сохранить в людской памяти отзвуки нашей морской старины. Ведь и в них – проявление грани народной культуры, народного искусства, живущего по строгим, непреложным законам многоликого фольклора – народной мудрости.

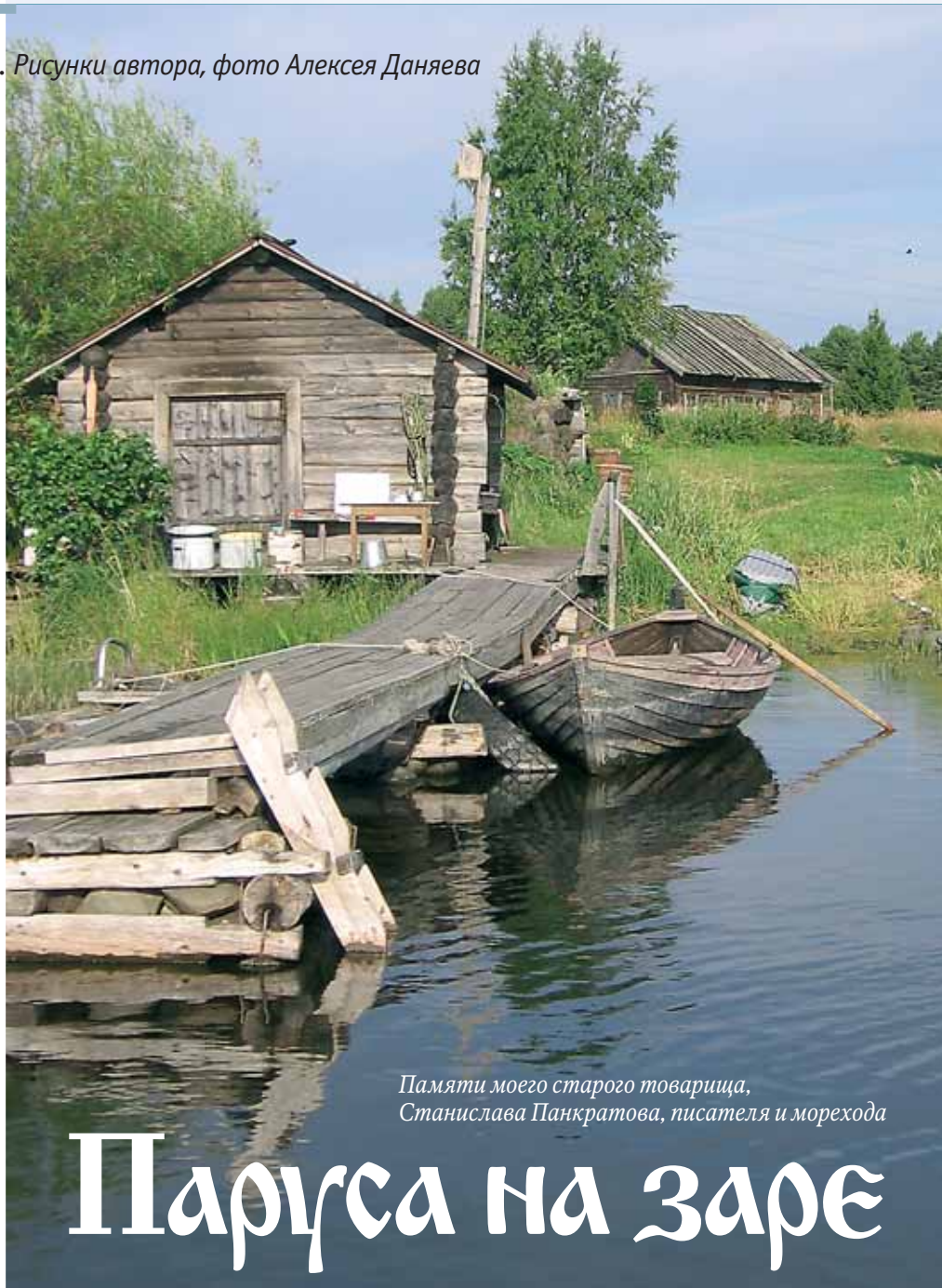
Похвала крылатому хонгою и невестину веслу

«Конь деревянный, есть-пить не просит, добрых молодцев носит». Это о лодейке сказано. Неприхотливой, надежной, работающей. Начало кораблям, великим и малым, – долбленный из ствола дерева челн, прадедушка всех кораблей, поныне живущий.

В Поднепровье слышал легенды о «дубках». На них фатовые запорожские казаки хаживали и в верховья великой реки, и в низовья, о которых классик духоподъемно молвил: «Редкая птица долетит до середины...» Ходили, укрепив борта, и за море, грозили султану Порты. Древняя украинская фамилия Дубовик (есть она и в нашем Петрозаводске) – почтенное звание капитана, кормщика дубка.

И нам, северянам, куда как памятны долбленные кораблики – «ушкуи». Гребцы на них, соответственно, «ушкунники». Их знает летописное сказание: «Великого Новагорода разбойницы, семьдесят ушкуев, пришедша, взяша Кострому град разбоем». Да ведала их и бабушка моя, корелянка Ольга Савельевна. За детскую шалость припустила меня «ушкунником шумоволосым». Отчего я в горестном отчаянии заревел морским пóзыком.

Выходит, знал: лихие люди – ушкунники. Но и смельчаки, этого не отнимешь! И товарищи заединые, надежные: это слово «товарищ» связано с отвагой сбережения общего добра. Товаром ведь могла быть и честь,

Памяти моего старого товарища,
Станислава Панкратова, писателя и морехода

Паруса на заре

нерушимая и неделимая. Товарищество!

Въяве видел, для вас зарисовал в Южной Карелии сосновую однодеревку «хонгой». У него вместо корхитвеня – здоровенная рукоять, как у ковша-плиты. По бокам-бортам – тесовые крылья-противовесы, чтобы лодочка «не опружилась». Точно такая же сосновая однодеревка встретилась и у вепсов, на малых озерышках. За Шелтозером, в Матвеевой Сельге ее называют «рухть». Она, как и карельская долбленка, из сосны. На форштвенне украшена вепсская долбленка, тамошний «ушкуй», подобием птичьей головки.

«Воспоминал» мой сказитель предания о приходе на Север славян, будущих (с ХУ века) русских, а также людей из гнездовья уральских народов – каре-

лов и вепсов, о том, как шли они сюда реками, озерами, «лешими» – лесными – волоками. Обронил задумчиво: «Несли лодьи людей по морю. Несли люди лодьи посуху». Пришли мои предки в Заволочье, скажем, к стенам древнего Муромского монастыря, что в Пудогге. Отсюда малой речкой вышли в озеро Муромское, а оттуда и опять речкой – затейливо-извилистой Гакуксой. С Гакуксы волоком – на Черноречье, уж оттуда – в пространную Водлу. По ней достигнешь Кенозерья и Каргополя. Тут откроется ведомый путь «встречь солнцу» – за Урал. Потом Сибирью к Тихому океану проведут ведомые знатоки пути – зыряне.

Трудно было бы представить, как утлая однодеревка идет большой водой, если бы сам не выходил с чернокожими

тамилами на волну Индийского океана в такой же лодочке (там она – с противовесом и напоминает катамаран). Северную лодочку держат тесовые «крылышки» да вековечная отвага мореходов – ведь такие однодеревки мы встречаем и на петроглифах Карелии, выбитых неведомыми предками еще в эпоху неолита.

...Случилось, шел я таежной пудожской рекой Гакуксой на дюралевой лодочке с подвесным мотором. То бревно – «плавина пловущая» – стукнет о борт, то двигатель заглухнет. А юркой однодеревке было бы все нипочем. Она и от лихого встречного уберезет. Но и неслышно к добыче подкрадешься на ней в траве-тресте, благо она здесь, как лес, стоит.

– Ну, а ежели опрокинемся?

– А опружмися – ко дну пойдем! – радостно обнадежил меня потомок ушкуйников. – Вода холодная, берега топкие: не выбраться!

Тут и понял я, отчего на однодеревках-«обласках» мои друзья – ханты и манси – ходят по речкам с особенными весельшками. На ручке – перекладина. Лопаска весла – заостренная, ланцетовидная, точно такая, как и карельская прялка-«куожали», да и с похожими резными узорами. Сказывается древнее родство, общее происхождение. Такое весло дарят деве к совершеннолетию – отец ли, жених. Оно и называется – «невестино»!

Сходные условия жизни порождают похожие орудия труда и созвучные легенды. И вот вижу «невестино весло» на Ангаре и даже – на Меконге, в Юж-

ном Вьетнаме. Берега тропического Меконга примерно такие же, как на Оби или у нас на Гакуксе: топкие, ненадежные! Их еще опробовать надо, прежде чем ступить. Тут и пригодится заостренное весельшко – как шуп.

Иду берегом Колодозера, что на востоке Пудожского края. Скользит там по глади вод легкий, как жучок-водомерка, «челон». К этой однодеревке пришито несколько набоев-тесин. Это дела почти не меняет: широкая, массивная матика – киль этой лодочки больше, чем простой килевой брус.

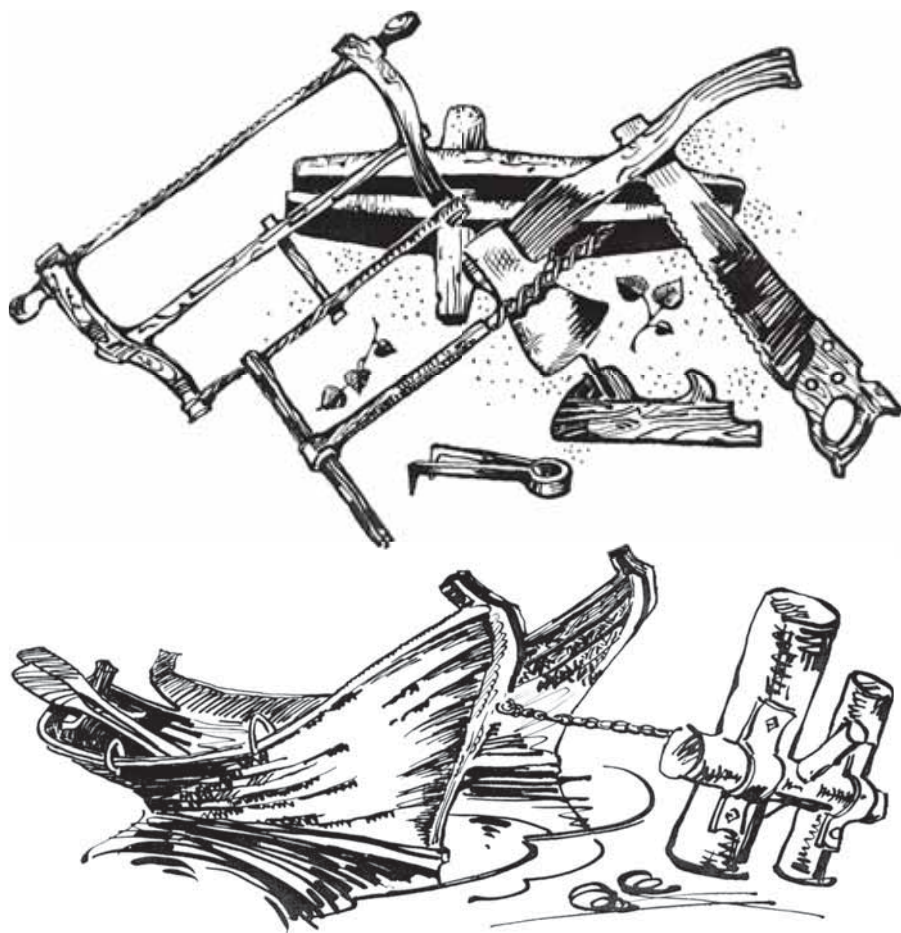
Подобная «челону» лодочка самаов и вовсе на берег вышла. Стала однополосными санками – «кережкой». Охотно используется и ныне на промысле поморами. А я помню ее в своем самом первоначальном детстве в прифронтовом поселке Лоухи. На кережках возили с поля боя раненых, эта сухопутная однодеревочка была на вооружении военных санитаров.

Рыбак, охотник, землепроходец с однодеревкой – будто одно целое. Изначально однодеревками были и малые каюки, долбушки, батники русских рек, двинские юркие «годейники». Их делали из сосны или распаренной осины. Вытесывали топором с поперечным лезвием, а то и просто выжидали. Корпус наращивали бортами-насадами, зашивали набоями. Стали былые однодеревки поднимать тысячи пудов груза, нести десятки пассажиров. При этом оставаясь – в основе своей – однодеревками и нося красноречивое родовое название – «душегубки».

Но наши предки не унывали! Вот они прибыли на Волгу с берегов Волхова и Ильмень-озера. Знаменитый араб Ибн-Фадлан, тысячу лет тому назад обошедший весь тогдашний мир, записал: «Я видел русов, когда они пришли по своим торговым делам и высадились на берег. И я не встречал людей более совершенных телом, чем они. Русы статны, подобно пальмам, румяны и красны. С каждым из них секира, меч и нож».

Здорово, товарищи-ушкуйники!

На тех кораблях-ушкуях, что покрупнее, был румпель, руль. И слово, которое было в ходу у ушкуйников, поныне живет на восточном берегу Онего: «журавка»! Правда, теперь это – название извилистой речки, притока Водлы, струящейся в черемуховых берегах. Журавкой называли, по данным старинных словарей, и деревянный блок. При помощи этого выточенного из березового капа колеса и лодейку на берег вытащишь, и бревно на сруб – храма

ли, избы – хором подымешь без беды и натуги.

Итак, древняя одnodеревка жива во всяком уголке земли и живет, служа людям, тысячелетия. Загорелый и бородатый ведд на Цейлоне, похожий на моего старого товарища Виктора Сергина, перевозил меня на долбушке-одnodеревке через речку, поросшую лотосами, словно Гакукса тростниками, петляя между задумчивыми крокодилами, лежащими, как камни-отпрядыши. При этом я беззаботно распевал про «Стенки Разина челны». Ведь человеку с веслом и парусом можно доверять: сроду не подведет.

Слово о кижанке

Видел в душном раю, в устье мутного Меконга, тростниковые паруса легких сампанов. У форштевня этого вьетнамского суденышка, распространенного, впрочем, и везде в Юго-Восточной Азии, выведен краской синей и белой внимательный, взыскующий глаз. Как на древнем корабле аргонатов, облик которого известен нам по греческим вазовым росписям и напоминает по пластике средиземноморских дельфинов.

Помогал чернокожим тамилам в алых тюрбанах и лимонно-желтых набедренных повязках спускать на приплеск Коромандельского залива Индий-

ского океана их зыбкий, сотворенный из тончайших дощечек парусник. Этот корабль, кажется, не изменился со времен легендарного Синдбада-морехода, свидетеля сказочных чудес. Пылал коралловый снежно-белый песок, пламенный от полуденного тропического солнца.

Но и в дальних экзотических странствиях вспоминалась мне прочная лодка приозерного детства. Из тех, что вековечно шьют близ Кижей.

Диво дивное, краса неопишная – кижанка, какой она впервые предстала передо мной. Темно-синей ночью на штевне ее горел в кованом светце смоляной факел – туго свернутая береста. А возле него, весь освещенный мерцающим пламенем, стоял в жуткой первобытной красе рыбак с поднятой острой, высматривающий в чернильно-темной воде привлеченную светом щуку ли, лосося. Знаю, что «воспеваю» хищнический способ ловли рыбы, ныне запрещенный. Но не «хищника» я восхваляю, а легкий и стремительный абрис его лодки, казалось, вкрадчиво подбирающейся к добыче в глубоководном нашем заливе – славной Чорге-губе. Наклоненные штевни, вкрадчивый всплеск длинных весел, уподобившихся плавникам... Воплощенный союз ветра, волн, мастерства и рыбацкого азарта! И прежде всего таланта корабельного зодчего, а проще сказать – деревенского лодочника, славного древодельца.

Мир цветет кораблями, как вешний сад – цветами. Видел на Дунае алые, с золотыми порубнями – бортовыми брусьями, лодки мадьярских рыбаков, худощавые гондолы Венеции. Но роднее и ближе всех остается для меня такая привычная и уютная наша озерная лодка-«кижанка».

Мои старые путевые блокноты хранят записи бесед с премудрыми серебряными мастерами корабельных, лодочных дел. Слышано о древнем мастерстве многожды в Заонежье – близ Кижей, на Волкострове, в Вегоруксе. От Григория Буркова, Дмитрия и Николая Степановых, от Ивана Вересова и Михаила Мышева.

Вспоминаю голоса мастеров и обстоятельность бесед.

– Лодку шили зимой на дому, на просторном сарае, по-старинному сказать, на повети. По взвозу, отворив тесовые ворота, вытягиваем лодку на катках по весне. Устраиваем вдейку – спуск на воду. Это как деву взамуж отдать – праздник семье.

Легкий и точный устремлен к свету,

к будущей весне, к озерной волне, остов на домашнем немудреном стапеле. Длина хорошей лодки – семь-восемь метров. Такова, считают, амплитуда волны на Онего. Не заплеснет, «не опружит» лодку, соразмерную такой зыби: впишется лодка в жизнь стихии вод и ветра, сроднится с ними.

На массивном полу, на поперечных брусках – «сланях», «стелюшках» – покоится еловый голубой брус «матики» – килия. В карельской лодке-ухтинке матика называется «эми», в ней делается отверстие для слива воды. Оно затыкается пробкой «таппи». Говорят, такой сливной шпигат иногда делался и в лодке-кижанке, но сам я не видел.

К матике (сравни с названием несущего потолочного бруса избы «матица») прикрепляются нагелями деревянными, прирубаются плотницкими «замками» кокоры-штевни. Мастер закрепит шаткие еще кокоры – прочный комель ели с частью корневища – рейками-расшивинами к балкам потолка. Вот и вся домашняя верфь, надежное «плотбище». Стапель, на котором рождается кижанка, ее лоно. Я и его зарисовал, взгляните.

И опять обратимся к свидетельству мастеров:

– Работе начало – найти ель потемней, поплотней, поматерей. Рудовую, кондовую. Кокора – из части ствола с отводным корнем. Высушивали этакую фигуристую лесину медленно. Иной раз в овчине томили годами. Чтоб медленно высыхала, не трескалась заготовка. Красивый изгиб? А ты примечай: он у всех кижанок одинаков. Деда за образец штевня брали кость из «плеча» щуки – поджаберную. Вот она, в кармане соблюдаю: по ней сверяю форму. Щука – она святая рыба. Недаром про

нее в сказках про Емелю сказывается. А дед мой пел про князя Вольгу, как он в щуку превращался и в сине море уходил, такая есть былинка.

Это мне и в Архангельской области говорили. Да еще и отыскивали в черепе хищницы, «морского волка», кости, напоминающие и крест, и другие «орудия страстей господних» – трость и копие! Череп щуки и теперь еще изредка можно увидеть над дверями изб русских и карельских: верный, по представлениям крестьян, оберег от всяческих неудовольствий.

В эпических песнях Русского Севера хорошо подмечены ладные формы корабля. Бока на нем сведены по лошадиному, нос поднят по-звериному. На языке мастеров-лодочников это свойство называется «седловатостью»: штевни воздеты, борта разведены. Такими были славные своими мореходными качествами, остойчивостью корабли викингов. Киль у кижанки остер. Фальшкиль прибит к матике и конец его выведен вперед. Упредит удар

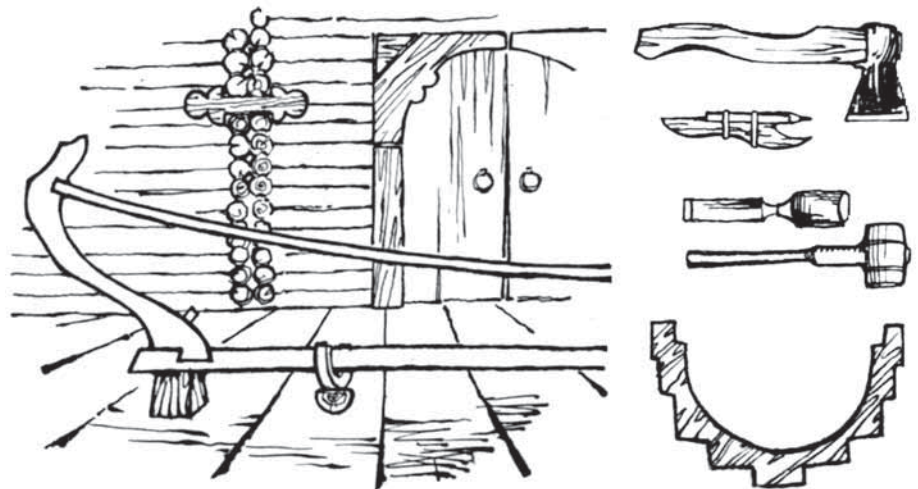
о подводный камень, каких немало на Онего.

Это о труженице-лодке живет загадка: «Бежит лось, поднявши нос. Есть-пить не просит, добрых молодецв носит». В загадке этой лодка один к одному схожа с доисторической ладьей, изображенной на петроглифах Карелии. И отrostки фальшкиля видны, и морда лосиная. И даже сами «добры молодецвы», граждане эпохи неолита, изображены.

Кокора форштевня плавно изогнута, спереди заострена. Мастер постукивает топориком, линия штевня у него выходит ловчее, чем на моем рисунке: у меня мерзнут руки. Штевень потом, по голубой с черемуховым майским серебром весне будет дородно резать волну. С обуха же штевень массивен. Таким и должен быть: к нему прибьют обшивку тесин-«набоев».

Мастер в остатний раз проходит стругом по обводу штевня.

– А верхняя часть кокоры называется особо: корха!

Словцо, похоже, старинное! Обращаюсь к словарям. Так и есть: была такая средневековая мера объема – «корха». Пригоршня, значит. Жменя. Горсточка. Столько, сколько вместит ладонь. Вот и ручка – навершие лодочного штевня – как раз по руке человеку, удобно взяться!

Отвеку мы мореходы, а не триста лет, как иногда говорят, отсчитывая историю флота со времен Петра Великого! Весть о первых воинских походах славян и их союзников – людей финских племен, Чуди и Веси, пришла к нам из-за пределов ушедшего тысячелетия. И кижанка плывет оттуда же.

Вот уже встали на место шпангоуты-опруги, лодочные ребра из ели. На них внахлест кладутся тесины-набои. Пришиваются коваными гвоздями: на стапеле они «приметываются» – зажимаются кляпцами; это что-то вроде деревянных бельевых прищепок, только большие, тяжелые. Вот он на рисунке, инструмент лодочника.

Хмурится взыскательный мастер: старики-то шили лодку чуть иначе. Именно шили. Вместо ниток у них были березовые и вересовые распаренные коренья. Мы же от этой порядки отстали, обленивели, что ли. У кормовой и носовой кокор делают «клюхи» – деревянными резными скобами соединяют борта. Вдоль них – гибкие «огибни», снаружи подстраховывают «порубни». Порубежные, стало быть, брусья!

В дне лодки – углубление для установки мачты, гнездо для нее, съемной. Называется – «гаино». Между прочим, так же называется у северных охотников и гнездо белки в дупле. Гайно – у передней кокоры, у форштевня.

Вот и готова кижанка. Осталось только на шести – скамьи – навесить. Поставить, так сказать, лодочную ме-

бель. Вместо шкафа – «чердак» в форпике. Скамей же на большой кижанке случалось и до пяти. Фигурные «греби» держат «пальцы» – опоры весел. Им помогают еще свитые из прутьев ивы или черемухи «коло» – кольца для фиксации весел.

Лодку смолят, проводя на катках над костром. Разогретое дерево хорошо впитывает смолу. Потом кижанка примет еще двенадцать бадеек искрасна-черной самолучшей сосновой смолы, на всякую весну по ведру.

Из особого щегольства гордый мастер отдавал хозяину и несмоленное суденышко. И все-таки – из скромности! – примолвит:

– Ну, благословясь! Да ты ковшик-плицу-то взял бы. Неровен час...

– Нам без надобности. Твоя работа известная. Ни смолить не надо, ни воду за огибень сплескивать. Сработал, как спел!

Блещет такая кижанка-лодочка наготове свежего дерева. Уступают славунице путь усталые пожилые кижанки. В порыжелой уже смоле, груженные сетями, сеном, гуляющей молодежью, рекрутами, красным товаром, лошаадьми, которых везут пастись на богатые травами острова. Вся жизнь заонежанина – на воде, пути-дороги между деревнями – по воде! А и прожил жизнь человек – опять же на кижанку поставят гроб-домовину, увезут на покой...

Вот уже там – на онежском просторе – поставлен домодельный парус, на деревянном стане тканый изо льна и конопли. Весла с грохотом убирают, «сушат», кладут вдоль матицы. «Парус хорошо несет», он четырехугольный, площадью – как древний прямой, ветра забирает много. Но одним краем принайтован к дереву мачты, а от ее осно-

«Тесло да весло – славное ремесло!» – любимое присловье кижанина Тимофея Беканина

вания до угла, по диагонали, перехлестнут гибкой реей – «райно», закреплен пеньковым шкотом-шпринтом. Вот и ходит под таким практичным парусом кижанка галсами, как под косым ветриллом. Чуть не встречь ветру! Только успевай, ловя ветер, переключивать парус.

...Когда я впервые приехал в Кижы, взял у здешних лодочку-кижанку – решил объехать вокруг острова. Был май, и была молодость, и была встреча с чудом...

Но что это так тонко позванивает под матикой? Будто быллинный Садко все еще перебирает струны там, в подводном синем царстве. Волшебное и тревожно! И только пришвартовавшись к лаве-пристани, догадываюсь, в чем дело: по головотяпству уронил одним концом лодочную цепь за борт, она и звенела звеньшками своими по камням озерного дна. Разгадка оказалась простая, а сказочное ощущение все-таки осталось в душе – и возникло непереносимое желание написать о крестьянских кораблях. Ныне исполняю...

Продолжение следует

